
Великие биологи как самобытные характеры

Чему нас могут научить примеры жизни выдающихся ученых (лекция в Дарвиновском Музее для молодежи)

Александр Федорович Котс

Вам, авангарду будущих строителей культуры Родины, горячий молодой привет от старого профессора и друга! Молодой привет от старого ученого!

И это не обмолвка, не оговорка, не ошибка слова — что привет мой будет молодым! Он будет молодым для Вас, и для меня.

Он будет молодым не только потому, что для ученого нашей страны реальный возраст узнается не по паспорту, но по активности работы, по душевному подъему, творческому энтузиазму.

Молодым привет мой будет потому, что обращен он к Вам — советской молодежи, при общении с которой я всегда воспринимаю новые запасы сил и новую уверенность, переживая собственную молодость.

Итак, поздравим мы себя взаимно с тем, что собрались мы здесь такие молодые, бодрые и энергичные, готовые служить нашей великой родине: Вы на пороге Вашего вступления в жизнь, я — на ее исходе, но готовый поделиться с Вами моим долгим опытом, как педагога, человека и ученого...

И все же Вы позвольте мне не ограничиться приветственными фразами, но дать Вам ряд полезных дружеских советов, применительно к запросам жизни и труда, Вам предстоящего на жизненном пути.

Спешу оговориться, что советы эти взяты мною не из книг, не понаслышке, а из жизненного опыта больших людей и что проверены эти советы в моей личной жизни, полувековой житейской практикой и в повседневной жизненной работе.

Такова моя задача: дать Вам на дорогу в жизнь, ряд практических заветов независимо от Вашей будущей профессии, от Вашего призвания.

I. Начну с первейшего условия, без соблюдения которого не может быть успеха в жизни человека, как общественного деятеля.

В самом деле. Стоит лишь спросить себя: Какое свойство неизменно и всегда присуще людям, достигающим успеха, именно достойного успеха в жизни? Выдающиеся деятели в области науки, техники, искусства, или реформаторы в жизни общественной и политической, какое свойство их характера определило всего более победу и признание их мыслей, убеждения, их творческого устремления? Где, в чем Объединялись и объединяются великие ученые, художники, изобретатели в науке, технике, искусстве, человеческой истории?

Ответом на вопрос нам может послужить признание одного великого ученого, имя которого обозначает целую эпоху для истории естествознания: мы разумеем шведского натуралиста, основателя научной систематики — **Линнея**.

В небольшой составленной им автобиографии Линней на первом месте отмечает величайшее из благ, что выпало на его долю: «жгучую» любовь к Природе и к науке, бывших главным и неисчерпаемым источником великой радости. Эту любовь к природе и к науке о природе он подобно пламенеющему факелу донес до своей смерти, до последнего дыхания.

Признавая это свое свойство прирожденным сам Линней старается понять его происхождение столь же наивно, как и просто.

— «Я родился» — повествует нам Линней в начале своей автобиографии. — «родился я в самое лучшее время года, в Мае месяце, в лучшие дни весны, когда кукушки куковали, возвещая близость лета и деревьев, и цветы стояли в полном блеске...»

Пусть наивно-детски это объяснение природной склонности или призвания Линнея временем его рождения... Многие из Вас, присутствующей молодежи, родились, возможно, тоже в Мае месяце.. И все же эти «Дети Мая» — **не** Линней.. Может быть Вы ими будете позднее, но пока Вы далеки от этого...

Но унесите Вы с собою в жизнь основное убеждение великого натуралиста: **Полюбите ваше будущее дело и призвание!**

Не может быть успеха в нелюбимом деле! Постигается вполне умом или руками только то, что забирает сердце. Путь успеха пролегает через чувство. В этом — тайна замечательных успехов всех больших людей и мастеров своего дела, что они его любили, были ему преданы, горели им ...

Но даже более того. Как справедливо было сказано: «Ничто великое не совершается бес страсти!» Это апеллирование к чувству, это обращение к эмоциональным факторам, лежащим в основании любого творчества, оспаривать его способны лишь закоренелые педанты и отъявленные доктринеры.

Но бесспорное по отношению к науке и ученым в рамках нашей «западной культуры» и цивилизации, это умение «гореть» своим призванием, своей работой, с незапамятных времен, задолго до призывов гениального фантаста- социолога — **Фурье**, являлось лейтмотивом жизни всех больших людей, любовно преданно стоявших на своем посту от **Гераклита** и **Гипатии** до **Гегеля** и **Гексли**.

В этом смысле жизнь и труд великого натуралиста Швеции — **Линнея** убедительно и трогательно-откровенно воплотили основное правило всей нашей умственной культуры:

Путь к познанию проходит через чувство! Не захваченное сердцем не постигнется и разумом!

Сумейте же любовно охватить, сумейте полюбить Ваш будущий грядущий труд! Все связанное с ним: Ваше перо и долото, Ваш циркуль, Вашу счетную линейку! Привнесите в Вашу предстоящую Вам деятельность всю любовь, всю преданность, весь энтузиазм, пафос и всю страсть и пылкость, на которые Вы лишь способны и первейшее условие успеха Вашего труда и Вашей жизни будут обеспечены!

Но — только первое! Ибо имеется не малое число других условий, столь же обязательных и упущение которых угрожало бы свести самые пылкие стремления к пустым порывам.

II. И что это так, — в этом нетрудно убедиться, если от великого «Плановика» и систематика **Линнея** обратиться к имени его великого соперника и современника — **Бюффону**.

Враг классификаций и систем Бюффон был антиподом шведского натуралиста.

В полное отличие от гениального создателя искусственного языка научных терминов **Бюффон** был мастером художественных описаний, изживавшимся в неподражаемом искусстве слова.

Выдающийся прозаик Франции Бюффон еще при жизни закрепил за собой славу величайшего стилиста, наравне с Вольтером и Руссо. И вот, доживший до семидесяти лет, этот великий мастер слова высказал за десять лет до своей смерти тайну стилистического дарования:

— «Я каждый день учусь все лучше и лучше писать!»

Это признание в устах прославленного престарелого писателя глубоко поучительно.

Невольно хочется сказать каждому юноше и каждой девушке: — «Вы — не „Бюффоны“ и куда его можно! Но тем больший долг для Вас последовать его примеру! Положить себе за правило совершенствоваться каждый день в достойном и полезном.. Пусть не обязательно в достоинстве пера и слова.. но тем более в развитии стоящего за языком достоинстве ума и сердца!»

И во имя этого последнего пусть каждый день Вашей грядущей жизни знаменуетесь реальным ростом Вашего ума и Вашей воли!

Не беда, если начальные успехи Вам покажутся несоразмерно малыми: при кажущейся неприметности они оправданы высокой целью и настойчивостью устремления.

В оценке жизненных путей учитывать приходится не столько быстроту успеха, сколько преданность идеи, верность идеалу.

Именно в такой оценке жизненных стремлений сходятся воззрения великих гуманистов всех времен.

— «Люди несут ответственность только за частоту стремлений и усердие исполнения а не за далекие последствия совершенного ими труда!» читаем мы в одной из лекций незабвенного **Грановского**.

— Сходная мысль еще проще выражена **Чеховым**:

— «Дела определяются их целями: то дело называется великим, у которого велика цель!»

Вот почему, в сознании высоких целей и намерений Вы позаботитесь о том, чтобы на жизненной дорожке Вашей каждый день отмечен был успехом в области морального и умственного роста. И да не окажется у Вас такого дня, который бы прошел, не давши ничего для Вашего развития

И да минует Вас обидная и горькая обязанность сказать словами римского философа и властелина: «День потерян!» («Диэм пердиди!») Полезно помнить: день, потерянный для внутреннего роста, роста интеллекта, чувства долга в отношении Родины, себя и близких — есть потеря невознаградимая, и потому пусть каждый день Ваш будет на счету, под знаком неустанного усовершенствования Вас самих!

Таков завет и лозунг, подтверждаемый примером жизни и труда великого ученого **Бюффона** и таков второй мой Вам наказ:

«Работать над собой!»

III. Но и второй этот завет только одна из многих вех на жизненном пути и в этом убеждает нас трагизм жизни третьего великого ученого-биолога, **Ламарка**.

Вспомним жизненную драму этого последнего. С предельной ясностью показывает нам она, что ни любовь к призванию, ни трудолюбие еще не обеспечивают полного успеха в жизни.

Оба эти свойства, и любовь к науке, и любовь к труду были присущи, были свойственны Ламарку в высочайшей степени.

Эта врожденная способность отдавать себя не только радостям познания но и эстетическому любованию, умению восторгаться каждой линией животной формы, как любят чертами близкого, любимого лица — это любовно-созерцательное познание, черта, роднящая Ламарка и Линнея.

Именно она, любовь к Природе и ее познанию толкали юного Ламарка изучать растения Ривьеры, а позднее, в бытность банковским чиновником, следить с окна мансарды за игрой и формой облаков, внести подобие порядка в их причудливый извечный хаос.

И не меньшая любовь к труду и терпеливо-преданное отношение к работе побудили бывшего ботаника и воина Ламарка согласиться на занятие пренебрегаемой другими кафедры, чтобы внести порядок в хаос низших организмов, отпугнувший гения Бюффона и Линнея.

Эта страсть к труду, эта любовь к познанию водили старческой рукой Ламарка, вынужденного в ней искать замену преждевременно угасших глаз, чтобы любовной ошупью улавливать контуры раковин и закрепить их верною рукой протоколиста — дочери.

Сухой и необщительный, всю жизнь бывший в положении пасынка своей страны, преследуемый неудачами Ламарк только в общении с наукой чувствовал себя «царем- владыкой» над живой природой.

Но не менее известно, что добившись имени «Французского Линнея» в сфере эмпирического знания **Ламарк**-философ был пророк, непризнанный своей страной и по причинам, коренившимся настолько же в условиях среды, как и в характере и свойствах самого ученого.

Подобно многим самобытным реформаторам **Ламарк** вынашивал внутри себя и свои творческие мысли, и свои обиды.

Перед нами — редкое по сочетанию объединение двух черт: агрессивности ученого и человеческого квинтизма.

Как ученый, как свободный самобытный ум **Ламарк** повторно выступал против виднейших корифеев-современников, Кювье, Лавуазье.

Но, получив отпор, столкнувшись с полным игнорированием своих идей, **Ламарк** не делает попыток улучшить, усовершенствовать свою аргументацию и молча подчиняется создавшемуся положению.

— «Давно привыкший покоряться необходимости, я, молча, подчинился!» — эту полную резиньятивности и квинтизма фразу, брошенную некогда Ламарком после неудачной аудиенции его у Бонапарта, — можно было бы избрать эпиграфом для всей научно-философской деятельности Ламарка, смелого в дерзании ученого и робкого, как человека.

Долгие двадцать лет дано было прожить Ламарку после опубликования его классического тома и за этот долгий срок он ничего не сделал, чтобы отстоять свои воззрения, углубить, упрочить вес своей аргументации.

Так не отстаивают своих взглядов, так не сорятся!

Пример трагедии Ламарка лишней раз показывает недостаточность простого декларирования истины, необходимость длительно, настойчиво упорно защищать ее со всею страстностью и силой, равной внушительнейшей уверенности в правоте.

На жизненной трагедии Ламарка, смелого в дерзании и робкого в борьбе, с предельной ясностью и силой выступает третье правило или условие успешности любого жизненного начинания.

Да будет мне дозволено придать этому третьему по счету пожеланию форму следующего призыва:

— «Умейте, друзья мои молодые, крепко держаться в жизни за достойную задачу или цель и никогда не отступайте в затруднениях».

Пусть никогда с уст Ваших не сорвется слово жалкое, беспомощное: «Слишком поздно!»

Для достойной цели — никогда не поздно! Если цель Ваша достойна, будь то в частной, или же общественной, при выборе призвания боритесь крепко и настойчиво, не год, ни два — это пустое! Но боритесь если нужно, — десять, двадцать, тридцать лет, боритесь до последнего дыхания и.. быть не может, чтобы Вы не победили!

В этом третьем моем лозунге или завете, как и в предыдущих двух, решающим понятием, их оттеняющим, являлось слово, самое ответственное в жизни каждой, или каждого из Вас, понятие, от верного и творческого применения которого зависеть будет всего больше жизненный успех Ваш, как людей, и граждан.

Это слово, столь обычное в людском быту и всего чаще так превратно понимаемое, слово, воплощающее для одних всю радость жизни и ее оправданность, а для других все ее горе и ее бессмысленность...

Я разумею слово и понятие «**призвание**»!

Мы подошли к вопросу, самому ответственному, самому решающему в жизни каждой или каждого из Вас, — к вопросу, подлинно критическому для стоящих на пороге жизни.

И действительно. Пройдет немного месяцев и перед Вами встанет роковой вопрос: Где, в какой сфере человеческой культуры приложить Вам Ваши силы и готовность Вашу послужить, отдаться родине? Где с наибольшей пользой для нее, или, что то же для самих себя Вам предстоит трудиться, совершенствоваться и расти?

Вопрос о Вашей будущей профессии, о Вашем будущем призвании.

Умейте различать эти два близких свида а на деле глубоко отличные понятия: «Призвание» и «Профессию»! Их часто смешивают, эти два понятия, столь разные даже в словесном их обозначении для чуткого утонченного слуха... Как формально-холодно-академически звучит понятие «Профессия», и как свободно-горделиво-горячо: «Призвание»!

Понять и примирить эти два слова — значит разрешить мучительные коллизии, столь обычные для наших дней, конфликты жизни, порождающие полные отчаяния и горечи слова: «Постылая профессия!» или другие, еще более гнетущие и гневные: «Погибшее призвание!»

Итак: Вопрос о Вашем подлинном призвании, о Вашей будущей профессии... Две вещи, разные по существу, но при удаче должны сливаться и совпасть.

И в самом деле. Основную разницу обоих слов едва ли можно выразить короче и понятнее, как заявив:

«Профессию» — мы **выбираем**, «Призванию» — мы **подчиняемся**.

Оба понятия стоят друг к другу в положении необратимости: Призвание, горячо почувствованное, предпринимает профессию, наоборот, профессия, даже успешно выполняемая, еще не выдает призвания, как то свидетельствуют нам бесчисленные случаи людей, работающих «не по специальности», над «не любимым делом»..¹

Отсюда явствует, что подлинно решающим из этих двух понятий или слов является **призвание** и что в раскрытии и расшифровке этого понятия таится ключ, или разгадка жизненного долга и пути для каждого из нас.

Заложенные глубоко в природе человека, в самых затаенных недрах подсознания мотивы или факторы, определяющие «выбор» нашего призвания, лежат всецело в области эмоциональной, выражаясь как врожденное и безотчетное влечение к определенным образам, понятиям и представлениям и через них, как бы вторично отраженно к интеллектуальным, умственным идейным навыкам и построениям.

Что это так — об этом с очевидностью свидетельствует вся история наук и биографии ученых.

Сказанным определяется одно условие, без соблюдения, или учитывания которого беседовать на тему о «призвании» бессмысленно и беспредметно.

Опасаясь вызвать возражение не в меру трезвых и ригористических умов, не побоимся обратиться к смелой аналогии, сказав, что при избрании профессии полезно поступать таким же образом, как и при выборе..подруги или друга жизни.

Я спешу оговориться: я далек от мысли выступить советчиком по «матримониальным» тема и вопросам. Хорошо известно, что по отношению к последним лучшие советы или увещания остаются втуне, без ответа и без отклика.

Но именно это бессилие влиять посредством рациональных доводов на сферу, наименее рассудочную, наиболее интимную, эмоциональную, сближает ее с областью вопросов, нас интересующих, с вопросами «призвания».

Итак: При выборе профессии, отображающей призвание, полагайтесь всего более на доводы Вашего сердца, всего менее — на доводы рассудка! И понятно, почему. В ответственном, сублильном деле выбора профессии, как и при выборе подруги, или друга жизни, доводы рассудка слишком грубы и поверхностны и склонны к компромиссам, к сделкам с совестью.

Является глубоко очевидным, что рассудочно возможно оправдать избрание любой профессии, полезной обществу, будь то профессии врача, артиста, инженера или педагога. Все они — равно полезны и поэтому почтенны и почетны. Но ведь и не в этом дело. Все равно, как если бы сказать: носы прямые,

¹ Вспомним приведенный **Чеховым** пример «бездарного ученого», который тайно, по ночам, переплетает книги — «это его истинное призвание: здесь он артист и испытывает наслаждение, к нему ходит переплетчик, любитель учености. Тайно, по ночам занимается наукой.»

длинные и вздернуто-короткие, брюнеты и блондины, темпераменты живые и медлительные — равноценны с точки зрения гарантии семейного благополучия.

А между тем, кому же неизвестно, что как раз на форме носа спотыкались и срывались, оставаясь без взаимности, бесчисленные встречи, обещавшие так много при рассудочном их одобрении.

И совершенно также обрывались, или в лучшем случае влачили жалкое существование служебные зависимости или связи, апробированные лишь рассудком, но лишённые поддержки сердца.

Сказанным определяется совет, могущий быть преподанным всем не определившимся в своем призвании, совет, хотя даваемый и без гарантии успеха и однако обязательный в том смысле, что не соблюдающим его грозит заведомая неудача.

Этот предлагаемый совет можно представить в следующей форме.

Попытайтесь внутренне себя проверить, перебрав в своем уме — и, что важнее! — Вашем чувстве, все известные Вам виды деятельности и профессии, не в целях их рассудочного оправдания, но для контроля отзвуков Вашего сердца при разборе каждого из них.

Заставьте мысленно продефилировать перед глазами Вашими, точнее перед оком внутреннего чувства, все главнейшие известные Вам жизненные поприща и попытайтесь пропустить их сквозь «эмоциональный фильтр», попытайтесь внутренне спросить себя: Которая из них, этих профессий, наиболее созвучна внутреннему строю Вашей ищущей и вопрошающей души?

При этом внутреннем духовном «смотре» попытайтесь отыскать ту отрасль, ту сферу знания или труда, которая, при одном имени ее невольно заставляет Ваше сердце биться радостнее и бодрее, независимо от рациональных доводов и оправданий. Более того. Пусть эти привходящие соображения о материальных выгодах и пользе совершенно выпадут, исчезнут с поля Вашего суждения, дабы «расчетливыми» доводами не маскировать эмоциональные, единственно решающие, правомочные...

И как бы ни был выбор Ваш немотивирован и неожидан, но почувствовав, что в данной области труда и интереса Вы готовы действовать без усталости и без расчета, без хвалы и принуждений, изживаясь в нем, в этом труде энтузиастически-самоотверженно, достигнув этого, Вы можете сказать уверенно, что Вы попали на свое призвание, свою профессию, что Вы нашли свой «жизненный билет».

Дано ли будет Вам использовать свою «Путевку в Жизнь» в полной мере, применить на деле объявившееся Вам призвание, удастся ли Вам освятить призванием профессию — зависеть будет от условий, часто независимых от Вас и победить которые порой под силу только сильному характеру, великой воле.

Правда, что и здесь, при длительном преодолении препятствий, сила и уверенность Ваших стараний, Вашего упорства и настойчивости будут адекватны Вашей преданности делу. И как в человеческом быту любовь без жертвы ничего не стоит, так и в выборе призвания любовь к нему без жертвенной готовности преодолеть все тернии и трудности, встречаемые на пути, бесценна и бесплодна.

Но об этом мы поговорим позднее, а сейчас вернемся к основному тезису наших суждений, об иррациональности мотивов,двигающих «выбором» призвания в отличие от слишком трезвых доводов, определяющих профессии громаднейшего большинства людей.

— «Беру холодильное дело! Это — решено!» — так убежденно заявила по свидетельству газетного корреспондента одна девушка при окончании «десятилетки».

Эта странная на первый взгляд любовь и страстность к столь холодной, «остужающей» профессии способна породить недоумение.

И в самом деле. Мало ли других профессий и призваний, внешне более оправданных и неотложных для культуры человечества! Но так ли это есть на самом деле? И нельзя ли думать, что подобно хорошо известной героине одного из лучших Чеховских рассказов («Душечка») умевшей идеализировать самые нудные и прозаичные профессии, и наша «Холодильщица» сумела опоэтизировать свое призвание и в управлении моторами, «электросердцем» Холодильника усматривать борьбу с миазмами, готовящими гибель человечеству.

Не так ли самые бесцветные и прозаичные по виду встречи в человеческом быту и самые дисгармоничные по виду пары для самих участников полны бывают и поэзии и правды в силу сходных же иррациональных факторов, высмеивать и осуждать которые тем легче, чем труднее их рассудочное понимание.

И в этом смысле сила преданности данному призванию находится в обратном отношении к его рассудочному оправданию, таким же образом, как при общении людей любовь и дружба замирают там, где начинаются расчет и меркантильные, торгашеские интересы.

Таковы ближайшие советы, мысли, и суждения, вызываемые сложным и запутанным, то роковым, то благодетельным понятием «Призвание» и часто прикрывающимся им «Профессии».

И не случайно обсуждение обоих мы связали с именем **Ламарка** — величайшего ученого но далеко не сразу угадавшего свое «призвание».

Известно, что Ламарк сменил полдюжину профессий, прежде чем напасть на ту, где он прославил свое имя.

Длинною чередой сменялись его должности и звания: Военного, Анатома и Музыканта, Служащего Банка, Дипломата, Воспитателя, Ботаника... И лишь на склоне жизни, получив «случайно» кафедру Беспозвоночных, этот «Хаос», это «неизвестное» — Ламарк смог развернуть на нем свои таланты реформатора-философа.

Невольно хочется спросить: Что, если бы Ламарку суждено было остаться при одном из его прежних званий, при другой профессии?

Дано ли было бы ему в такой же мере обессмертить свое имя? И не избежал бы он на положении ботаника и воина обид и горечей, что выпали на его долю в качестве философа?

Учитывая замечательное выступление молодого воина-Ламарка и успех его «Французской Флоры», можно было бы подумать, что способностей его хватило бы и на второго «де-Жюссье» или «Тюрэнна».

Ближе к истине нам кажется другое допущение, что преходящие и неудачные по виду сферы интересов или деятельности Ламарка были не бесплодны, но слагались, как необходимые ступени его внутреннего роста.

И охватывая общим взглядом эту жизнь Ламарка, полную труда и горечи, обиды и мятущегося дарования, мы склонны вывести два следующих назиданий.

Первое: Стараться не рассеивать, не расплывать своего творческого интереса, избегать стремления к «Энциклопедизму», невозможного уже во времена Ламарка.

Второе: Позднее открытие Ламарком своего призвания говорит о том, что в поисках последнего не следует бояться промахов, что лучше десять раз менять свою профессию, чем «мыкаться» всю жизнь с нелюбимым делом.

IV. Переходим к следующему большому имени великого ученого и человека. **Сент-Иллеру**, старшему, другу Ламарка, одному из первых эволюционистов Франции.

Былой соперник гения Кювье, противник его взглядов на пути и цели познания Природы, побежденный, но не убежденный диалектикой и эрудицией Кювье, которого он сам когда то вызвал из глухой провинции ценою собственного поражения, **Сент-Иллер** надолго пережил былого своего соперника.

И вот, этот былой горячий оппонент великого диктатора науки, сам повторно пострадавший от него, как человек, от происков сторонников Кювье, лишивших Сент-Иллера места в им же созданном «Жардин де Планте», в опубликованном по смерти своего соперника труде, в заглавном посвящении этой работы помещает ...имя своего великого противника.

И далее, немногими строками ниже, в добавлении к Предисловию этой работы («Этюдe прогрессив дь-юнг Натюралист», 1835) Сент-Иллер говорит, что главную свою заслугу он усматривает в том, что толь-

ко личными его стараниями был в свое время приглашен в Париж безызвестный о ту пору молодой Кювье.

Все чувства горечи, чувства обиды, связанные с долгими годами расхождений и размолвок с Кювье умолкли перед сознанием величия последнего, как властелина мысли и как реформатора науки.

Что в том, что собственные взгляды Сент-Иллера не могли пробиться сквозь железную ограду фактов, возведенную Кювье и его Школой... Перед автором «Рень, Анимал» и «Оссеманг фоссил», создавших славу Франции, теряются, тускнеют личные счета, все персональные размолвки и интересы.

Ясное и четкое разграничение оценок человека и ученого, оценок жизни частной и общественной. Отказ от привнесения личного и субъективного в оценке своего идейного противника.

Простое чувство правды и однако, многие ли на него способны?!

И не потому ли этот рыцарский подход в оценке победителя устами побежденного, это проникнутое редким благородством отношение **Сент-Иллера** к его идейному противнику воспринимается доселе, по прошествии столетия, как дуновение большой души, как отзвуки большого сердца.

Но отсюда — нормативный вывод и завет для молодого поколения.

Умейте, друзья мои молодые, различать в оценке лиц непреходящие достоинства или заслуги и людские преходящие их слабости и заблуждения.

Не в том упрощенном и ложном смысле, будто для общественного деятеля безразличны теневые стороны и неполадки в его частной жизни. Будем помнить: недостойный в своей личной жизни будет недостойн и в общественной. Нельзя творить высокое и светлое служение обществу руками, мозгом, сердцем, загрязненными в приватной жизни! Ведь участвуют в обоих случаях все те же руки, тот же мозг и то же сердце!

Отрицать эту простую истину способны лишь невежество и недомыслие.

Но еще более ошибочно и ложно было бы расценивать деяния людей, основываясь лишь на субъективных чувствах нерасположения и антипатии.

Возможно, даже несомненно: Жизнь не уберезет Вас от нередких встреч с людьми, Вам мало симпатичными и даже вовсе не располагающими Вас к себе. Бывают люди, внешне и по существу достойные и безупречные, но Вас не тянет к ним, Вам неуютно с ними, Вы не ищите их близости

Обычно внутренне чувство не обманывает и, как люди, Вы послушавшись этого внутреннего голоса, лишь редко пожалеете!

Но тем старательнее избегайте приносить такие безотчетные и импульсивные моменты в деловую объективную оценку этих лиц, как деятелей на общественной арене жизни!

Вспомните о **Сент-Иллере**, столь заблаговременно сумевшем угадать в великом гениальном карьеристе, человеке жестком, не располагающем, великого ученого и реформатора науки

V. Это двойственное представление о личности **Кювье**, как о великом мастере науки, гению которого не отвечали личные достоинства, как человека, требует обоснования.

Вспомним Францию в исходе позапрошлого и в первой трети прошлого столетия: Правление Конвента, Директория, Империя Наполеона и Людовика, опять Наполеона, опять Людовик, Карл X-ый, Луи Филипп Орлеанский — калейдоскопическая смена форм правлений и правителей...

А между тем **Кювье** умел не только удержаться при любых правителях, но пользоваться каждым строем, чтобы подниматься выше по ступеням почестей и славы и начав с домашнего учителя он кончил «Пэрром Франции».

Нам скажут: в этом специфичность звания ученого творить непреходящие культурно-исторические ценности наперекор текучести и смене политическому управлению страны и нации...

Все так и оставайся Жорж Кювье только ученым стиля **Сент-Иллера** (тоже пережившего полдюжину правительств, но оставшегося верным политическим воззрениям своей юности..), имя Кювье, как человека сохранилось бы без нареkania, ибо ученые ответственны лишь за свои идеи, а не их отображения в политике и формах государственного управления.

Но **Кювье** не только уживался при любом правительстве но возвышался по чиновной иерархии и в той же степени терял, как человек, сколько выигрывал на положении графа и министра.

Вспомним отношение Кювье к его бывшему покровителю и другу Сент-Иллеру, вспомним речь, произнесенную Кювье на смерть Ламарка, речь, звучавшую порою поношением...

И тем естественнее мысль и справедливее желание — оправдать и эту сторону Кювье перед историей науки, перед трибуналом разума, стремление понять и примирить этически разрыв ученого и человека.

В чем же спросим мы значение и смысл этих скорбных человеческих антиномий, в чем их этическое, историческое оправдание?

Отвечая на вопрос, начнем издавелека с.. античной мифологии, коснувшись одного не слишком симпатичного героя: мифа о Геракле.

Мы коснемся только заключительной страницы жизни этого последнего в той форме назидательно-шутливой басни, как она изложена была великим реформатором немецкой речи и литературы — **Лессингом**.

Касается этот рассказ посмертного апофеоза нашего героя: после завершения всех своих подвигов Геракл, как известно, волею богов был удостоен получения места на Олимпе, быть зачисленным к бессмертным небожителям.

И вот, так повествует Лессинг, наступает вожденная минута и Геракл, заручившись приглашением богов, вступает на Олимп.

Там по сложившейся традиции вновь испеченный «бог» обязан был произнести подобие приветственного спича, обязательство, которое Геракл выполнил успешно, обративши свою речь по адресу... Юноны.

Это обращение именно к Юноне не могло не вызвать удивления других богов, отлично знавших прежде, земные более, чем натянутые отношения между Гераклом и супругой Зевса.

Хорошо известно из того же мифа, что как раз Юнона не давала на земле спокойствия Гераклу, горячо, упорно, с чисто женской методичностью преследовала она Геракла с самой колыбели.

Начала она, Юнона, с очень негуманного поступка, запустивши в колыбель малютки Геркулеса двух громадных змей и, если бы не сила и находчивость ребенка, удушившего обоих змей, не покидая колыбели, дело угрожало кончиться фатально...

Ведь известно также, по свидетельству легенды, что по замыслу Юноны создана была такая конъюнктура, при которой атлетический Геракл должен был служить тщедушнейшему Еврисфею, выполнять его бесчисленные прихоти и поручения а после совершения десяти оговоренных подвигов взять на себя дальнейшую нагрузку в виде новых и «сверхдоговорных» обязательств.

Не по проискам ли той же мстительной Юноны внешним образом ускорила самая смерть Геракла и прервалась самая его земная жизнь, небезупречная, добавим мы, не склонные особо восхищаться идеалом древнего Олимпа.

И тем удивительнее, что попав на небо, наш герой именно к ней, к Юноне, обращает свое первое приветственное слово.

«Почему именно к ней?» так перешептывались меж собой другие боги.. Почему? зачем? естественно спросить и нам.

— «Затем», так отвечал Геракл, «что ведь без Юоны я бы не попал на небо! Потому, что лишь благодаря Юоне, вызывавшей на все новые ответственные подвиги я выполнением их, мог заслужить бессмертие и очутиться среди вас — богов! Без происков Юоны не видать бы мне Олимпа!»

Справедливое суждение! При пикническом, тяжеловесном складе тела нашего героя жизнь его стояла под угрозой раствориться в лени и бездельи. Наклонность к тучности при внешней обеспеченности жизни, при отсутствии мотона и работы очень скоро привела бы к ожирению сердца и артериосклерозу.

Но не то в итоге происков Юоны, не дававшей нашему герою передышки и гонявшей его в поисках творимых подвигов от Фракии и Крита до Иберии и гор Атласа. И таким лишь образом, будируя и теребя этого склонного к восточной лени и спокойствию гиганта, удалось поставить его силу мышц и мужество на пользу мира и попутно обеспечить за самим героем место на Олимпе.

Но, однако, справедливое по отношению к Гераклу приложило вообще в практической и повседневной жизни, применимо к множеству людей и ситуаций сходного порядка.

Здесь достаточно вернуться к имени, давшему повод к нашему экскурсу в область Мифологии, мы разумеем имени Кювье и его главного противника.

Можно уверенно сказать, что среди факторов, содействовавших оформлению воззрений Сент-Иллера на вопросы об изменчивости организмов место не последнее пришлось на долю гениального его соперника, той критики, того пренебрежения, которые Кювье оказывал работам бывшего его соратника и друга.

Эта постоянная готовность и обязанность отстаивать свои воззрения перед диктатором науки того времени и то упорство, с каковым Кювье отбрасывал саму идею историчности животных, вынуждали Сент-Иллера пересматривать и улучшать свою аргументацию, резче, отчетливее формулировать свои идеи.

И обратно, полное, заведомое игнорирование со стороны Кювье аналогичных взглядов, проводившихся Ламарком, объясняет до известной степени ту апатичность и инертность, ту психическую успокоенность, с которой не добившись своего признания, Ламарк так скоро порешил сложить свое оружие.

И в этом смысле роль Кювье в истории и судьбах эволюционной мысли до известной степени сравнима с отношением Юоны в жизни и судьбе Геракла: именно на жестких испытаниях, ценой преследований и пренебрежений, в горне длительного испытания могли сложиться и окрепнуть нужные успехи, заложиться прочно корни эволюционного учения трудами его первых робких провозвестников.

Но приложимое к великим корифеям знания в еще гораздо большей мере применимо к рядовым умам, в условиях повседневной жизни.

Будем помнить: если даровитые и сильные натуры не нуждаются в противоборствующих стимулах, то для натур инертных, слабых и безвольных встречи с мнимыми и явными врагами стиля или темперамента Юоны и Кювье только желательны и благотворны.

Этим нерешительным, безвольным людям можно только посоветовать: возможно менее гнушаться встречами с «Юонами» и постараться всеми силами извлечь возможно больше пользы от таких тяжелых, тягостных, мучительных и все же «провиденциальных» встреч.

От Сент-Иллера и Кювье, двух антиподов, подготовивших, каждый по своему, грядущую победу эволюционного учения, обратимся к его подлинному и новейшему обоснователю.

VI. Родившийся в зажиточной семье врача-помещика **Чарльз Дарвин**, как известно, долго затруднялся в выборе профессии: попеременно видим мы его то увлекающимся собиранием жуков и птиц, то с головой ушедшим в спорт, в охоту, разведение собак, то занимающимся Геологией, то медициной, то церковными науками...

Решившись сделаться священником **Чарльз Дарвин** поступает в Университет на богословский факультет, который и заканчивает (правда, без особого усердия!), чтобы заняться подысканием прихода.

Но в последнюю минуту этот план расстраивается. Внезапно, совершенно неожиданно, наш юный богослов, среди приготовления к охоте получает приглашение участвовать на положении натуралиста в кругосветном плавании.

При вести о возможном путешествии натуралист всецело оттесняет богослова: забываются приход и куропатки, и собаки..молодым любителем-натуралистом-диллетантом юный Дарвин, не умевший по его словам, ценить дотоле время, не привыкший к регулярному труду, — вступает на прославленную им позднее палубу.

Но здесь, ступивши на корабль, **Дарвин** в такой степени охвачен был величием поставленных себе задач и глубиной ответственности их решения, что он как будто весь преобразается...И всего несколько недель спустя после отплытия из Англии он, так еще недавно променявший Геологию на «Куропаток» пишет то письмо, в котором мы находим полную глубокой значимости мысль;

...«A man who dares to waste one hour of time has not discovered the value of life.»

— (The Life and Letters of Charles Darwin. 1887, Vol. I p.266)

— «Человек», так пишет юный ригорист, который бы осмелился хотя бы только час своего времени растратить по пустому, человек этот, так пишет Дарвин, «не дорос еще до того, чтобы понять всю ценность жизни!»

И в осуществление этого правила, этого принципа предельной экономизации труда и времени сам **Дарвин**, находясь на палубе судна, старается использовать предельно свои силы, наблюдая, коллектируя и изучая все встречаемое на пути.

Страдая тяжело от приступов морской болезни **Дарвин** пользуется каждым получасом относительного благоденствия, чтобы пополнить свои знания, свои коллекции. И только этим героическим путем он смог использовать так совершенно пребывание свое на корабле, во время пятилетнего скитания.

И позднее, после возвращения в Англию, долгие сорок лет творя свои великие произведения **Дарвин**, как известно, вынужден был более бороться со своим недугом, чем с нападками со стороны ученых критиков.

Ни дня не чувствуя себя вполне здоровым и «воруя» каждый час у своего здоровья **Дарвин** пользуется каждым часом передышки, ослабления своего недомоганья для писания своих книг и производства опытов и наблюдений. И лишь так работая, предельно экономя свое время и свои подорванные силы **Дарвин** смог успешно выполнить свой беспримерный труд.

Но оправдавшийся так ярко в творчестве и жизни гениального ученого, этот призыв к предельной экономизации труда и времени (нашедший выразительную форму лозунга у энергетиков: «Не смей растрчивать энергии!») еще уместнее по отношению к рядовым работникам и к молодежи, в будничной и повседневной жизни...

И переводя этот принцип на повседневно-жизненную практику невольно хочется порою обратиться к нашей молодежи с не совсем обычным для нее вопросом.

«Не случалось ли переживать Вам лично, или наблюдать среди Ваших знакомых и товарищей такое настроение:»

«День клонится к концу. Вы еще полны сил и бодрости, достаточной для продолжения работы. Но Вы смотрите на часовую стрелку и Вам кажется, что передвинулась она достаточно, чтобы сказать: День кончен и оставшегося времени, какого-нибудь часа, слишком мало, чтобы стоило еще работать. Многого не сделать, так не лучше ли не начинать, оставивши работу до другого раза, до другого дня...»

«А между тем сегодня получас потерянного времени, и завтра-получас и так, из года в год Вы годы потеряете в итоге нерасчетливо загубленных „получасов“.»

«Спешу оговориться. Всего менее хотел бы я быть понятым в том смысле, будто я желаю, чтобы Вы работали без отдыха и срока, „до бесчувствия“. Мне слишком хорошо известно, в какой степени тепе-

решняя молодежь загружена и перегружена работой, и настаивать на еще большей перегрузке могут только самые бессовестные доктринеры и педанты.»

«Не о возрастающей нагрузке но о рационализации использовании времени. „Труд или Отдых“ — но решительный отказ от промежуточного состояния, когда Вы бросив труд, не сможете отдаться отдыху...»

«Ни труд, ни отдых а какое то „ничемное“, нейтральное и „сумеречное“ настроение.»

VII Нам остается перейти к последнему, монументальному, непреходящему в своей духовной мощи облику великого поэта и мыслителя-натуралиста — **Гете**.

Из бесчисленных житейских правил, облеченных в яркие сверкающие афоризмы и рассеянные по бесчисленным произведениям великого ученого и человека, я напому Вам лишь два:

Одно — из величайшего его произведения.

Вещими устами своего любимого героя **Гете** высказал глубокую идею, полную непреходящего живого содержания:

«Was du ererbt von deinen Vatern hast —
Erwirb es, um es zu „besitzen!“»

— «Что ты наследовал со стороны отцов, —
Приобрати его для обладанья!»

На языке обычной повседневной речи можно пояснить эту идею следующим образом:

Все разумение, все силы воли, чувства и ума вложите в дело максимального развития Ваших природных данных, интересов и способностей!

Что в том, если в тебе имеются врожденные способности и дарования но ты не прилагаешь никаких усилий для их должного развития!

Как часто можно услышать признания такого рода:

— «Невозможно отрицать» — так говорит иной способный юноша, талантливая девушка.. «Нельзя оспаривать во мне наличия природных данных и способностей к занятиям по технике, по языкам, искусству, математикой... Даются они мне без всякого труда..имеются во мне эти способности, имеются, имеются бесспорно..»

«Ну и что же?» — хочется воскликнуть.. «ну и что же? Самое присутствие таких природных данных и способностей не налагает ли оно на Вас обязанности всеми силами стремиться к максимальному их выявлению? И чем значительнее эти Ваши данные, тем больше долг Ваш посвятить все силы на предельное развитие этих задатков, этих дарований!»

Будем помнить: Все великие умы или таланты, все великие ученые или художники, оставившие светлый и непреходящий след в культуре человечества, обязаны своим великим мастерством настолько не природным своим данным, сколько настойчивости своего труда, неисчерпаемой своей энергии.

Каждый великий человек — великий труженик! Об этом говорит нам вся история культуры, повествует биографии всех подлинных великих мастеров пера и кисти, мысли и резца.

— «Что ты наследовал со стороны отцов, приобрати его для обладанья!»

С этим призывом, с этим лозунгом я обращаюсь всего прежде именно к счастливым обладателям богатого наследственного дара, к лицам, ярко наделанным, чтобы не сказать отягощенным им.

Во все эпохи и у всех народов попадают «счастливые» натуры для которых жгучие вопросы «выбора призвания» никогда не возникают за природной их решонностью. Эти «любимцы жизни» появляются на свет с готовой страстью к будущей профессии, готовые ресурсами к ее служению.

Счастливые «избранники», им не приходится искать, раздумывать и сомневаться в том, «куда их жизнь зовет?». Этот мучительный удел колеблющихся, сомневающихся, неуверенных, не знающих, куда направить свои силы, свои знания, минует этих «баловней судьбы».

В отличие от большинства людей, годами занятых «примерками профессий», эти редкие «счастливыцы» сразу попадают на свою дорогу, свою «жизненную полочку», в «свой жизненный челнок».

Таковыми «баловнями жизни» были все любители своего дела, дилетанты и ученые, великие и малые, известные и безымянные, горевшие на своем деле и порой, увы! сгоравшие на нем....

Но не случайно, говоря об этих «баловнях», «счастливыцах» и «избранниках» мы помещали эти наименования в ковычках! Ибо, как и всякий дар природы так и человеческий талант дается ею дорогой ценой: чем больше дарование, тем ярче и велительнее оно требует раскрытия и выявления.

С предельной четкостью эта моральная ответственность, связующая элементы «дарования» и «долга» в свое время была выражена замечательным художником и человеком, в письмах незабвенного **Крамского**.

— «Талант-штука страшная, и черт знает, до чего требования его неумолимы. У него только одна диллема: или **будь**, ступай вперед, совершенствуйся, за ним только ухаживай, для него только и работай, или умри и отвечай перед совестью!»

—/Письма **Крамского**, Том I, стр. 143/

Таков завет «счастливым» или «баловням судьбы», вступившим в жизнь с готовой наперед «путевкой» но «путевкой» неоплаченной и оплатить которую им предстоит самим на протяжении всей жизни и порой.. ценою самой жизни.

Переходим ко второй, гораздо более обширной группе или категории людей, их подавляющему большинству.

Мы разумеет группу «сомневающихся» если не в профессии, то в своих силах, в своих подлинных способностях и дарованиях.

Словами мало симпатичного героя Гетевского «Фауста» — Мефистофеля, возможно это состояние выразить, сказав:

«..die Kraft ist schwach, allein die Lust ist gross.»

«Желанье есть, да не велик талант!»

И в самом деле. Разве мы не знаем, не встречаем то и дело молодых людей, полных сомнения не в выборе профессии, но в своих силах, лиц, смотрящих с вожделием и завистью на обладателей природных дарований.

Этим мнимо обездоленным да будет мне позволено здесь привести два замечательных четверостишья из оставшейся незавершенной замечательной баллады **Гете**, — вещи, столь глубоко им задуманной, что у поэта так и не хватило силы вдохновения, чтобы ее закончить.

Называется это стихотворение: «Die Geheimnisse» «**Тайны**»

«Wenn einen Menschen die Natur erhoben,
Ist es kein Wunder, wenn ihm viel gelingt,
Man muss in ihm die Kraft des Schöpfers loben,
Dez schwachen Thon zu soleher Ehre „bring“t»,

Doch wenn ein Mann von alien Lebensproben
Die sauerste besteht, sien selbst bezwingt,
Dann kann man ihn mit Freuden andern zeigen,

Und sagen: Das ist er, das ist sein eigen»

Или по-русски, в переводе, сделанном моей женой Н.Н. **Ладыгиной-Котс**:

«Коль человек имеет дарование,
Нет чуда в том, что он средь нас велик:
Хвала Природе за ее создание
Что прах ничтожный высшего достиг!

Но если человек в суровых испытаньях
Труднейшего достиг — себя съумеет изменить,
То скажем мы: Его то достоянье
И радостно его должны мы восхвалить!»

Значение и смысл этих строк не требует особых пояснений.

В этих двух четверостишьях ярко и наглядно сопоставлены два образа, два облика людей: один — обязанный своими достижениями природному лишь дарованию, другой — работе над собой, своей энергии и своему труду.

И приговор великого поэта и мыслителя звучит по разному для каждого из двух: там, в отношении природного таланта, воздается удивление самой природе а не человеку, ею наделенного случайно, без его труда и видимой заслуги..

И тем большую хвалу поэт готов воздать тем людям, достижения которых опираются о собственный их труд, упорную работу над собой.

Там благодетельство Природе, здесь — здесь лично завоеванное человеком, плод великой жертвы и великого труда.

И да не скажут нам: Этот совет Ваш — личной инициативой заменить отсутствие природных данных, этот Ваш совет напоминает обращение к неумеющему плавать с предложением «держаться крепче на воде»..

Нельзя, так скажут нам, при скудости природных данных апеллировать к их максимальному развитию и росту..

Этим сомневающимся я позволю себе привести слова другого гения, забытого на одичавшей его родине, второго Веймарского величайшего поэта и мыслителя.

«Dadurch allein, dass wir die ganze Energie unseres Geistes in **einem** Brennpunkte versammeln und unser ganzes Wesen in eine **einzelne** Kraft zusammenziehen, setzen wir dieser ein — zelnen Kraft gleichsam Flugel an und fuhren sie kunstlicher Weise weit uber die Schranken hinaus, welche die Natur ihr gesetzt zu haben scheint.»

—(**Schiller**, Kleine Schriften)

«Одним лишь тем, что мы всю энергию нашего духа соберем в едином фокусе и все наше существо стянем в одну единственную силу, мы этой силе как бы прилагаем крылья и ведем ее искусственным путем далеко за пределы, мнимо налагаемые ей Природой».

Ту же мысль, проще, современнее, хотя и менее поэтично мы находим выраженной в заключительных строках автобиографических записок нашего маститого художника- искусствоведа И.Э. **Грабаря**:

— «Помните, что человек при настойчивости и трудовой дисциплине может достигнуть невероятных, почти фантастических результатов, о которых он никогда и мечтать не дерзал..»

—/Игорь Грабарь. «Моя Жизнь» — Автобиография. 1937. стр. 334/

Еще понятнее и проще эта мысль высказана одним героем **Чехова** (рассказ: «Соседи»):

— «Когда человек думает каждую минуту все об одном и том же, то ему нетрудно добиться, чего он хочет!»

Таковы свидетельства двух величайших Веймарских поэтов, оттененные суждениями более скромных деятелей в области литературы и искусства.

И сводя в одно руководящую идею этих столь различных и неродственных умов, можно отлить ее формулятивно в следующий тезис и напутственный завет:

— «Не умаляйте ваших прирожденных данных при условии предельного труда над выявлением их роста и развития. Полезно помнить: При настойчивости обработки скромные задатки и способности ценнее для культуры, чем задатки гениальные, заброшенные в нерадении!»

— «Но как же быть?» — так спросят вовсе обойденные и обездоленные.

— «Как же быть, если при самом добросовестном опросе самого себя при самом тщательном анализе своих „ресурсов“, специфичных данных не находится, когда не чувствуешь призвания, не слышишь его властного, велительного голоса»..

Нельзя же, скажут нам, работать над «несуществующим».. Как быть с такими обойденными Природой, ее пасынками, колыбель которых даже в самой скромной степени не осеняли грации и музыки?

Отвечая на вопрос, не побоимся в свою очередь спросить: да существуют ли такие обездоленные души? Люди, в такой мере обойденные природными дарами, чтобы отпадала всякая возможность для их роста и развития?

Пусть нет у Вас способностей ни к музыке, ни к математике, ни к языкам, ни к технике... Пусть ничего не говорит Вам окружающая Вас Природа... Так же ли безмолвна перед Вами и природа Человека?

Может быть, лишённые способности в оценке мира чисел, звуков, форм и красок, Вы тем более созвучны, чутки в понимании людского сердца! обладая редким даром просто и легко дойти до него там, где тысячи людей напрасно до него стучатся...

Этот дар простого, душевного общения с людьми есть высший дар, куда более редкий и, конечно, более необходимый, чем ярчайшие способности к искусству и науке, не согреты любовью сердца к людям, к человеческому горю... Если так, то культивируйте же этот дар так же усердно, так же преданно-любовно и энтузиастически, как если бы Вам даровали слух Шопена, кисть Серова и резец Родена!

Вот, что мы сказали бы по адресу и в утешение «интеллектуальных пустоцветов», если, если таковые бы существовали, в чем я склонен сомневаться, не в пример «моральным» пустоцветам, попадающимся слишком часто и особенно на фоне однобокой интеллектуалистической культуры...

И сводя в одно все сказанное о «**призвании**» и о путях и признаках его осознания да будет мне позволено облечь вышеизложенные мысли и заветы в следующий образ.

Каждой и каждому из Вас вступление в самостоятельную жизнь может быть сравнимо с положением человека, получившего билет на лотерею.

И однако лотерея эта не совсем обычная.

В конечном счете, лотерея эта подлинно-беспроектная. Рано или поздно обладатель каждого билета выигрышем обеспечен. Но размер и сроки выплаты зависят в высочайшей степени от Вас самих.

Начать с того, что самые билеты все «заложены» и предварительно их надо «выкупить». А выкупать приходится их долго и упорно, часто в продолжение всей жизни, чтобы лишь к концу ее дожить до розыгрыша и достойной выплаты.

Не надо думать, что распределение «хороших», «крупных» выигрышей дело случая и произвола, что большие выигрыши падают всегда на лиц, талантливых и даровитых, обладающих богатыми ресурсами оплаты.

Или мы не знаем, что как раз среди «природных самородков» попадаетея не мало «пустоцветов», лиц, не приложивших должного труда для своевременного «выкупа» билета и его «страховки». В результате многообещающий билет без пользы пропадает для его владельца.

Также неразумно поступают те, которые, не выкупив одних билетов, склонны накопать все новые и новые, не понимая, что ведь и они «заложены», нуждаясь в «выкупе»...

И только те, которые, избрав определенный «жизненный билет», честно- старательно выплачивают по нему, готовые настойчиво и терпеливо ждать момента розыгрыша, получают щедрую награду.

Мы сравнили судьбы жизненных профессий с лотереей, а не «шахматной» игрой, поскольку в жизненных удачах или неудачах соучаствуют иррациональные моменты, независящие от искусства «шахматного игрока», как и владельца «лотерейного билета».

И, однако можно с полной уверенностью утверждать, что опущение «выкупа» и «страхования» «Путевки в жизнь», «лотерейных жизненных билетов» исключает всякую надежду получить по ним.

Короче, проще и без аллегии: **Вы получаете от жизни в меру лично Вами привнесенного в нее!**

На этом мы кончаем. И сводя в одно все сказанное о **семи** великих мастерах науки, как больших характерах, Вы разрешите мне облечь этот итог в **семь** следующих пожеланий:

Первое необходимое условие успеха на любом посту — любовь к своему делу, к своему призванию. Полюби свой труд, как полюбил его когда то величайший «Плановик Природы» Карл **Линней**.

Второе правило: Старайтесь по примеру старика **Бюффона**, каждый день предельно совершенствоваться в чем либо достойном и полезном, памятуя, что потерянный для Вашего развития и внутреннего роста день потерян безвозвратно!

Третье Правило: Не бойтесь промахов при выборе профессий, помня о **Ламарке**, десять раз сменивших таковые, прежде чем напасть на ту, которой он навеки обессмертил свое имя. В выборе призвания доверяйся больше зову сердца, чем расчетам интеллекта.

Правило **четвертое**: Не смешивайте при оценке лиц, встречаемых на жизненном пути, моменты личной антипатии и объективных деловых суждений, памятуя о **Сент-Иллере**, так умело-благородно разграничившего отношения свои к Кювье, как человеку, и ученому.

Правило пятое: Не бойтесь, памятуя о **Кювье** и его роли в жизни Сент-Иллера, встреч с «Юнонами» обоого пола, с оппонентами и критиками, памятуя, что лишь в столкновении идейных или нравственных противоречий может выковаться Истина и Правда.

Правило шестое. Следуя заветам молодого **Дарвина**, умейте каждый час Вашего времени предельно экономить в обеспечение либо полновесного труда, либо достойного очередного отдыха.

Седьмое Правило: Проникнетесь бездонной глубиной афоризма **Гете** призывавшего устами Фауста к максимальному развитию врожденных дарований каждого из Вас, в осуществление элементарной истины, что даже величайшие таланты требуют великого труда.

Таков наш семикратный жизненный завет. Да претворится он в Вашу «**путевку в жизнь**»:

Любовь к призванию, Неустанное стремление к внутреннему росту, настойчивость в определении своего призвания, не взирая на возможные при этом временные промахи, готовность разграничивать великие таланты и людские слабости, умение извлекать полезное при столкновении с идейными противниками, осознание ценности каждого часа жизни и ответственности каждого перед собой и перед обществом в деле предельного развития своих природных данных — таковы **семь** жизненных максим, могущих оказаться Вам полезными на открывающемся перед Вами жизненном пути.

На этом я кончаю и теперь последнее, прощальное и завершающее слово.

Протечет немного месяцев и двери Ваших школ закроются за Вами навсегда и двери **жизни**, подлинной большой суровой жизни распахнутся перед Вами.

Я назвал ее суровой, эту жизнь, потому, что с первых же шагов она неумолимо спросит Вас: Чем, каким образом Вы думаете ей служить и с чем Вы вышли к ней на это предстоящее служение?

Что Вы вынесли из Ваших школьных лет, именно школьных лет, а не одной лишь Школы, потому что жизненный успех на «Вахте Родине» диктуется не только знанием грамматики и логарифмов но объемом, широтой Вашего умственного горизонта, глубиной и силой нравственного убеждения, даваемой не только классной комнатой, но и семьей, и выбором товарищей, всем Вашим окружением...

Итак, с какими средствами вступаете Вы в жизнь, или, обращаясь к прежнему сравнению, в каком размере оплатили Вы Ваш «жизненный Билет», от этого зависеть будет жизненный прием для каждой или каждого из Вас.

Но справедливое для каждой нации, для каждого лица и для любой поры это моральное, этическое требование дать родной стране а этим самым всему миру и себе, все лучшее, что есть в тебе самом, этот призыв к служению **Родине** своим умом, и сердцем и своею волей не звучали никогда так властно и величельно, как именно теперь, по окончании Войны, по одержании победы, величайшей из когда-либо одержанной в истории народов.

И причины этого двоякие: Величие этой победы и размеры понесенных жертв.

Величие Победы, — небывалой по проявленной в ней доблести, но небывалой также по ответственности, налагаемой на нас в эпоху мирного труда, поскольку достижения последнего будут расцениваться в оттенении побед под **Сталинградом** и **Москвой**.

И потому пусть боевым девизом каждого из нас будут слова: «**Равнение по быломu фронту!**» Пусть никто не скажет, что непревзойденная на поле ратных подвигов **Россия** отстает на поле мирного труда, в работе мысли, молота, резца и кисти!

Да не скажет этого никто, ни здесь, ни там, за рубежом, ни в лагере наших друзей, ни в стане наших политических врагов!

Это — во-первых: Быть на поле мирного труда достойными побед под **Сталинградом** и **Москвой!**

Теперь второе: Стоимость нашей победы, жертвы нами понесенной.

Кровавыми слезами вписаны они в историю нашей страны, и мы не в праве забывать о них. Безотносительно к тому, насколько сами Вы затронуты этими жертвами, жизнь спросит Вас:

Чем, в какой степени намерены Вы возместить эти утраты?

Вспомните, как много пало их, талантливых и даровитых, защищая нас, нашу культуру, нашу честь, и национальное достоинство...

Вам предстоит занять их место, заступить их на посту служения Родине и ее мирной жизни также героически-самоотверженно и с тем же жизненным самозабвением!

Внесите же в этот Вам предстоящие мирный труд, в это служение нашей великой Родине весь пыл и пафос боевого времени.. Будьте достойны жертв, ценой которых Вам дано великое задание и счастье — стать на «вахту Жизни» и служения **великого Народа-Победителя!**

Так будьте же достойны этого великого и светлого удела!

Я уверен, что Вы все собравшиеся в этом зале будете его достойны!

Только этим, лишь внося весь пыл и пафос юности и все уразумение, всю вашу волю, ваши умственные и что важнее! — Нравственные устремления в дело служения **Родине**, Вы оправдаете свое вступление в самостоятельную жизнь, выполнение долга, долга перед Вашей Родиной **России**, родины великого народа и его великого **Вождя!**

